

СЛЕПОЕ ПЯТНО

18+

Asror Nazirov

Слепое пятно

<https://litres.ru/74671629>

SelfPub; 2026

Аннотация

Майя Сергеева — лучший криминальный аналитик страны. Её профили преступников точны до жуткого: она предсказывает следующий шаг, называет мотив, описывает психологию убийцы так, будто читает его мысли изнутри.

Четыре жертвы. Одна закономерность. Все они были связаны с Виктором Стрельниковым — человеком, который умер три года назад. Человеком, которого хорошо знала и Майя.

Рощин поручает ей дело. Она принимает. Читает материалы, строит версии, составляет профиль убийцы. Профиль получается точным. Слишком точным.

Земля под ногтями в пятницу утром. Два дня, которых она не помнит. Шесть часов между временем смерти и её звонком в скорую.

Майя умеет находить слепые пятна в чужих показаниях. Труднее всего найти его в себе.

Психологический детектив о природе памяти, о цене молчания и о том, что происходит, когда инструмент, которым ты живёшь, оборачивается против тебя.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	26
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	42
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	49
Глава 7	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Asror Nazirov

Слепое пятно

Назирова Асрор Шухратович

СЛЕПОЕ ПЯТНО

Психологический детектив

© Назиров А.Ш., 2026

Все персонажи и события, описанные в произведении, являются вымышленными. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или умершими, является случайным.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИДЕАЛЬНЫЙ АНАЛИТИК

* * *

Глава 1

Кабинет

В половине первого ночи в отделе аналитики Министерства внутренних дел горел один монитор.

Майя Северова не замечала темноты за окном. Она вообще редко смотрела в окна во время работы — они предлагали перспективу, которая ей не была нужна: город, небо, горизонт. Слишком широко. Она работала с тем, что можно было уменьшить до управляемого размера. До таблицы. До схемы. До связей между точками, которые при первом взгляде казались несвязанными.

На левом мониторе — структура преступной группы. Восемнадцать человек, разбитых по уровням и функциям. Три города, четыре года деятельности. На правом — финансовые транзакции, выстроенные в хронологическую линию. Где-то в этой линии была точка, которую следователи из Казани пропустили.

Она её нашла двадцать минут назад.

Сейчас она проверяла себя — третий раз с момента открытия. Профессиональная привычка, от которой коллеги устали ещё лет десять назад: Северова никогда не сдаёт вывод, пока не проверит его трижды разными способами. Это замедляло работу и раздражало людей, которые предпочитали версии побыстрее. Майю это не беспокоило. Быстрые вер-

сии она видела каждый день — в уголовных делах, прекращённых из-за поспешных обвинений. В протоколах допросов, где следователь задавал вопросы, которые уже содержали ответ.

Она предпочитала медленные.

Третья проверка подтвердила первые две. Майя открыла новый документ и начала писать заключение.

Транзакция от 14 марта 2021 года, обозначенная в материалах дела как «операционные расходы», не соответствует задокументированным расходам группы за указанный период. Сумма на 340 000 рублей превышает суммарные операционные нужды за квартал. Получатель — физическое лицо, не фигурирующее в деле: Колесников А.В., 1968 г.р. Рекомендую проверить связи Колесникова А.В. с задокументированными участниками группы через регион...

За окном прошёл одинокий трамвай — она услышала звук, но не подняла глаза.

Когда заключение было готово, Майя отправила его в Казань, закрыла файл и откинулась на спинку кресла. Офис был пуст. Все коридоры — темны. Только её монитор, её стол, её ровный почерк в блокноте. На чистом листе справа от клавиатуры — несколько схем, нарисованных от руки: кружки, линии, стрелки. Она рисовала их машинально, пока думала. Никогда не понимала людей, которые во время размышлений рисуют дома или цветы. Её схемы всегда выглядели одинаково: структуры с центральным узлом.

Зазвонил телефон.

Номер был незнакомым, но с московским кодом. Половина первого ночи. Майя ответила не раздумывая — человек, звонящий в такое время с официального номера, звонит по делу.

— Северова.

— Майя Дмитриевна? — Голос был мужским, деловым, без предисловий. — Полковник Вершинин, Следственный комитет. Извините за время.

Она не ответила, что всё в порядке. Ждала.

— У нас есть три дела. Разные регионы, разные следственные группы. Объединили неделю назад. Мне нужен аналитик, который посмотрит на них целиком.

— Пришлите материалы.

— Уже. Проверьте почту.

Она переключила монитор.

Тема письма: *«Серия несчастных случаев — аналитический запрос»*. Три папки. Три города: Челябинск, Казань, Нижний Новгород. В каждой — фотографии мест, протоколы, заключения медэкспертов, оперативные сводки.

— Я хочу, чтобы вы вошли в группу официально, — продолжал Вершинин. — Не как внешний консультант. Как руководитель аналитической части.

Майя на секунду остановилась. Официальное руководство означало совещания, поездки в поле, коммуникацию с несколькими следственными группами одновременно. Всё

то, чего она систематически избегала последние восемь лет.

— С кем я буду работать?

— Рошин. Алексей Рошин. Знаете его?

— По делам.

— Хороший следователь.

— Знаю, — сказала Майя. — Пришлите официальный запрос через отдел. Утром меня не будет — начну изучать материалы сейчас.

Она положила трубку прежде, чем Вершинин успел поблагодарить её, и развернулась к монитору.

* * *

Первые два часа она не строила никаких версий.

Это был принцип, который она объясняла каждому стажёру, пришедшему в отдел, — и каждый раз видела одинаковое разочарование на их лицах. Люди любили версии. Версии давали ощущение движения. Версия — это как нитка, за которую можно тянуть. Проблема была в том, что версии, выдвинутые в первые часы, становились линзой, через которую смотришь на всё последующее. Факты начинают подтверждать версию. Противоречия начинают казаться незначительными. Следователь думает, что движется вперёд, — и движется прямо в стену.

Майя читала материалы как текст на незнакомом языке — по очереди, без поиска смысла. Просто собирала слова.

Дмитрий Волошин. 54 года. Найден в собственном доме в Челябинске, апрель. Предварительная причина смерти

— сердечная недостаточность. Никаких признаков насилия. Жена обнаружила тело утром. Он жаловался на давление, имел историю сердечных заболеваний.

Оксана Третьякова. 47 лет. Казань, июль. Утонула в реке в ночное время. Алкоголь в крови — выше допустимой нормы, но не критически. Была одна. Кто видел её последним — соседка, около двадцати трёх часов. На следующее утро тело.

Артём Логинов. 51 год. Нижний Новгород, октябрь. Автомобильная авария на загородной трассе. Потеря управления на ровном участке дороги. Технической неисправности не выявлено.

Три смерти. Три несчастных случая. Три разных города. Три разных способа умереть.

Майя взяла блокнот и написала посередине страницы одно слово: *почему*.

Не «кто». Не «как». *Почему* их объединили в серию.

Она перелистала к оперативным сводкам. Где-то там был человек, который это решение принял — и у него были основания.

Нашла через двадцать минут: молодой следователь из Нижнего Новгорода, Савченко, 29 лет, написал рапорт о том, что при изучении биографии Логинова обнаружил сходство с двумя делами из других регионов. Не в механике смерти — в биографии жертв.

Майя достала чистый лист и начала выписывать.

Волошин: *владелец завода, дважды проходил по уголовным делам как свидетель, оба раза дело прекращено. Гражданский иск семьи Громовых закрыт по истечении срока.*

Третьякова: *руководитель отдела социальной защиты, административное взыскание по делу о ненадлежащем исполнении обязанностей, после — перевод в другой район.*

Логинов: *судья районного суда, апелляционная жалоба отклонена, дисциплинарное производство закрыто.*

Три человека. Три официально закрытых дела, в которых система зафиксировала нарушение — и ничего не сделала.

Майя сидела и смотрела на три строчки.

Не вслух, не в блокноте — просто в голове, тихо и почти привычно: *я понимаю, кто их выбрал.*

Она зачеркнула эту мысль сразу же. Слишком рано. Она не знала ничего. Три строчки — это не вывод.

Но рука с карандашом не двигалась. И через несколько секунд она поняла, что смотрит на фотографию Волошина — не на документы рядом с ней, не на данные. На лицо. Мужчина около шестидесяти, широкие плечи, снимок сделан, по всей видимости, несколько лет назад. Довольный собой человек, умеющий выглядеть авторитетно.

Она убрала фотографию под остальные бумаги и взяла кофе.

В четыре утра она закрыла ноутбук, сложила материалы в папку и надела пальто.

На выходе она погасила свет — последний огонь во всём

здании.

* * *

Глава 2

Материалы дела

Рощин ждал её в конференц-зале, когда она пришла в половине десятого. Он уже знал о её привычке не опаздывать и не приходить раньше времени — она приходила точно. Это было удобно. Ему самому требовалась определённости.

— Майя Дмитриевна. — Он встал, хотя мог не вставать.
— Алексей Рощин.

— Знаю. — Она пожала руку, положила папку на стол и осмотрела комнату. Три доски: на каждой — фотографии своей жертвы, хронология, список лиц. Кто-то уже потрудился над структурой. — Ваша работа?

— Моя.

— Логинов слева, Волошин в центре, Третьякова справа. Почему такой порядок?

Рощин помолчал секунду — не замешательство, просто пауза человека, который привык, что вопросы задаёт он. — Хронология. Апрель, июль, октябрь.

— Смерти по хронологии. — Майя подошла к доскам. — Но вы знаете о них в другом порядке: сначала Нижний Новгород, потом выяснилось про остальных. Если думать так, как думал убийца, — если он вообще думал о порядке, — правильнее было бы поставить Нижний Новгород в центр.

— Мы не знаем, думал ли он о порядке.

— Нет. Поэтому я просто отмечаю. — Она повернулась.

— Что вы уже проверили?

Следующий час был рабочим. Рошин перечислял; Майя слушала и иногда задавала уточняющие вопросы — короткие, без лишних слов. Он успел понять несколько вещей: она не торопилась к выводам, она замечала именно то, чего он ожидал меньше всего, и при этом ни разу не дала понять, что он упустил что-то важное. Просто задавала вопрос — и становилось ясно, что важно.

— Родственники Волошина контактировали с семьёй Громовых? — спросила она в какой-то момент.

— Нет данных.

— Надо проверить. Не потому что они подозреваемые. Просто чтобы понять, знал ли кто-то из людей, близких к жертве, о деле Громовых.

— Вы думаете, убийца — кто-то из пострадавших.

— Я думаю, что пока не знаю. — Она взяла со стола фотографию Третьяковой — живой, в официальном костюме, судя по всему, снимок с какого-то совещания. — Что известно о ребёнке?

— Мальчик. Семь лет. — Рошин говорил ровно, профессионально. Давно научился. — Отец находился под наблюдением опеки с 2018 года. Три жалобы в соцзащиту. Третьякова закрыла все три — в документах значится «ситуация нормализована». В 2020 году мальчик погиб. Падение с лестницы.

Майя положила фотографию обратно.

— Кто подавал жалобы?

— Соседи. Воспитатель из детского сада.

— Они знают, что Третьякова умерла?

— Да. Соседка звонила нам сама — хотела сообщить. Мы с ней уже говорили.

— Что она сказала?

Рощин нашёл в папке лист с протоколом. — Цитирую: «Я не скажу, что рада. Но не скажу, что мне жаль».

Майя кивнула. Не потому что разделяла оценку — она не производила оценок. Просто отметила факт и перешла дальше.

— Расскажите мне о деле Логинова подробнее. Рецидивист — он что именно сделал после оправдания?

— Нападение. Женщина, 34 года. Выжила, но с последствиями.

— Семья подавала жалобу?

— Три жалобы. Последняя — месяц назад. Незадолго до смерти Логинова.

— Кому адресована?

— Квалификационной коллегии судей.

Майя снова взяла блокнот. Рощин заметил, что она рисует — не записывает, именно рисует — схему из трёх точек с линиями между ними. В центре каждой точки — имя жертвы. От каждой точки — отдельная линия наружу, к маленькому кружку без подписи.

— Кружки — жертвы причинённого вреда? — спросил он.

— Да. — Она не оторвалась от бумаги. — Я хочу понять, знали ли они друг о друге. Громы — Третьякова — женщина из дела Логинова. Если кто-то собирал информацию обо всех троих жертвах нашего убийцы, — она сделала паузу, — ему пришлось бы знать про все три дела. Это не очевидная информация.

— Могла быть публикация. В прессе, в интернете.

— Дела Волошина и Третьяковой не упоминались в публикациях. Я проверила ночью.

Рощин молча смотрел на схему в её блокноте.

— Значит, либо информация получена по неформальным каналам, — сказал он медленно, — либо убийца каким-то образом близко связан с пострадавшими.

— Либо у него профессиональный доступ к базам данных. Это была первая версия, которую она произнесла вслух. Она это заметила и сразу добавила: — Это одна из четырёх-пяти равновероятных гипотез. Пока.

— Понял.

Они работали ещё три часа. К концу дня доска с Логиновым обросла стрелками. Рощин предложил кофе; она согласилась. Пока он ходил, она ещё раз прошлась вдоль всех трёх досок, и взгляд её задержался на фотографии Волошина — той, которую она видела ночью. Снимок был сделан на каком-то публичном мероприятии, Волошин пожимал кому-то

руку, доволен.

Она стояла перед ним и молчала.

Рощин вернулся с двумя стаканами. Поставил один рядом с ней. Смотрел туда же, куда она.

— Что вы в нём видите? — спросил он.

— Человека, — сказала Майя, — который не думал, что его найдут.

Рощин помолчал. Потом: — Интересная формулировка. Для несчастного случая.

— Да, — согласилась она. Взяла кофе и отошла от доски.

* * *

Глава 3

Паттерн

Через неделю они знали значительно больше.

Больше — не значит яснее. Иногда это было наоборот.

Майя провела эти семь дней в двух режимах: днём — материалы, вечером — тишина и кофе дома, чёрная ручка, белые листы. Она строила карту: не версию, не обвинение — структуру. Связи между элементами. Узлы, в которых эти связи сходились. Белые пятна, которые требовали заполнения.

К утру седьмого дня у неё было шестнадцать листов с рукописными схемами, три страницы выводов и один вопрос, на который пока не было ответа.

В конференц-зале собрались восемь человек. Рощин. Два следователя из региональных групп — Котов из Казани и Фролова из Челябинска. Судмедэксперт Баринов, специально приехавший из Нижнего Новгорода. Два сотрудника оперативного отдела. И Инна Полозова — судебный психолог, которую попросили дать предварительную оценку профилю.

Инна была знакома Майе по двум предыдущим делам. Сорок лет, собранные светлые волосы, привычка слушать людей так, что им казалось — им можно говорить что угодно. Майя относилась к этой способности с уважением и лёгкой настороженностью.

— Начнём, — сказал Рошин и посмотрел на Майю.
Она встала.

— Три смерти. — Она говорила без бумаг — схемы были в голове, в той части, которая всегда работала точнее любой записи. — Официально — три несчастных случая. Формально доказать обратное по каждому из них затруднительно. Медицинская документация Волошина подтверждает сердечный риск. Третьякова действительно пила. Логинов ездил на этой трассе регулярно. Убийца, если он есть, работал не против фактов — он работал внутри них.

— Использовал существующие обстоятельства, — сказал Баринов. — Это требует либо везения, либо предварительного изучения объекта.

— Изучения. — Майя не сомневалась в этом. — По каждому из трёх: в период двух-трёх недель до смерти фиксируются незначительные аномалии в окружении жертвы. Волошин жаловался охраннику, что несколько раз видел незнакомца у ворот — не счёл нужным сообщать. Третьякова говорила подруге, что кто-то расспрашивал соседей о ней. У Логинова за месяц до аварии в машине дважды «случайно» разряжался аккумулятор — технический осмотр не выявил причины.

— Подготовка, — сказал Котов.

— Наблюдение. Подготовка. Выбор момента.

Несколько секунд в комнате было тихо.

— Теперь главное. — Майя взяла маркер и подошла к

доске. — Следователь Савченко из Нижнего Новгорода заметил то, что объединяет жертв биографически. Я проверила, расширила — и теперь скажу точнее. Их объединяет не просто биография. Их объединяет конкретная структурная позиция: каждый из них причинил задокументированный, юридически зафиксированный вред. Вред, который система признала — и за которым не последовало реального наказания.

Она написала на доске три строчки.

Волошин — уничтожение семейного бизнеса. Иск закрыт.

Третьякова — халатность, повлёкшая гибель ребёнка. Выговор.

Логинов — оправдание рецидивиста. Апелляция отклонена.

— Это публичная информация? — спросила Фролова.

— Не вся. Дело Третьяковой не упоминалось в прессе. Дело Волошина — один раз, в региональном издании с тиражом в полторы тысячи экземпляров. Дело Логинова известнее — апелляция была публичной. Но чтобы знать все три — нужно было их искать. Целенаправленно.

— Значит, наш человек — либо близок к одному из пострадавших, — начал Рошин.

— Либо имеет доступ к базам, — подхватила Фролова.

— Либо — третий вариант. — Майя положила маркер. — Это его профессия. Он — или она — работает в системе,

связанной с расследованием или документированием подобных случаев. Видит такие дела регулярно. Видит, как они закрываются.

Инна, молчавшая до этого момента, подняла взгляд. — Это меняет психологический профиль.

— Да, — согласилась Майя. — Именно поэтому я хочу попросить вас об этом чуть позже. Сначала — механика.

Следующие сорок минут были техническими. Котов докладывал о новых данных по Третьяковой: её телефон в ночь смерти зафиксировал два входящих звонка с неизвестного номера, потом — тишину. Фролова — о том, что в доме Волошина накануне смерти была уборщица, которую никто не опрашивал, потому что её имя не значилось в списке постоянного персонала. Рощин — о результатах дополнительной экспертизы тормозной системы Логинова: эксперт не нашёл доказательств вмешательства, но признал, что «при определённых условиях следы могут быть неразличимы».

— Хорошо. — Рощин повернулся к Инне. — Профиль.

Инна открыла папку. — У меня предварительная картина — она потребует корректировки по мере поступления новых данных. Итак: человек с высоким интеллектом и способностью к долгосрочному планированию. Умеет ждать. Умеет работать в условиях, где ошибка означает разоблачение, — это требует или профессиональной выдержки, или специфического психологического устройства.

— Или того и другого, — сказала Майя.

— Да. — Инна посмотрела на неё. — Ты хотела добавить?

— Одна деталь. — Майя вышла к доске снова. — Во всех трёх случаях смерть не была инсценирована как убийство. Убийца не пытался создать видимость чего-то другого — он просто использовал то, что уже было. Это не трюк. Это принцип. Он думает иначе, чем обычный преступник, который скрывает следы. Он устраняет само разграничение между случайностью и действием.

В комнате было тихо.

— Он не испытывает раскаяния? — спросил один из оперативников.

— Нет. — Майя чуть задержалась — секунда, не больше. — Он испытывает разрешение. Это другое. Раскаяние — это реакция на осознание вины. Разрешение — это ощущение, что действие было правильным и завершённым. Для него каждая смерть — не преступление. Это коррекция.

— Коррекция чего? — спросила Фролова.

— Ошибки системы. — Майя смотрела на три имени на доске. — Он не мститель. Мстители действуют от имени конкретной жертвы. Он действует от имени принципа. Каждая жертва — не человек, которого он ненавидит. Это ошибка, которую система не исправила.

Инна сделала пометку в блокноте.

— Значит, — медленно произнёс Рошин, — он считает, что занимается тем же, чем занимается система. Только эффективнее.

— Именно.

— Это опасно.

— Да.

— Почему?

Майя подняла взгляд от доски.

— Потому что у него нет точки останова. Мститель останавливается, когда конкретная обида исчерпана. У него — нет. Ошибок системы бесконечно много.

Рощин кивнул. Написал что-то в блокноте — Майя не видела, что именно.

— Возраст? Пол? — спросил Котов.

— Возраст — предположительно от тридцати до пятидесяти. Пол я бы не стал ограничивать. — Инна снова посмотрела на Майю — как будто ждала чего-то.

— Согласна, — сказала Майя. — Механика преступлений не указывает на пол.

— Мы можем его найти? — спросила Фролова.

Майя вернулась на своё место, взяла кофе. Он был уже холодным.

— Он изучает своих жертв. Значит, он с ними контактировал — напрямую или через документы. В этом контакте остаётся след. Может быть очень маленький. Но он есть. — Пауза. — Кто бы это ни был — они верят, что система не исправима. Они решили стать коррекцией сами. Это логичная, внутренне непротиворечивая система. — Ещё одна пауза. — Вот почему найти их сложно: они не делают ошибок

из жадности, из страха или из ненависти. Они делают ошибки только там, где их логика не совпадает с нашей.

Рощин оторвал взгляд от блокнота.

— И где это место?

— Пока ищем, — сказала Майя.

Совещание закончилось в четыре часа дня. Люди расходились парами, негромко переговариваясь. Инна задержалась у доски.

— Ты описываешь его с такой точностью, — сказала она тихо, — что у меня создаётся впечатление — ты ему сочувствуешь.

Майя собирала листы в папку. Не торопясь.

— Нет. — Она не посмотрела на Инну. — Я его понимаю. Это разные вещи.

Инна смотрела на неё ещё секунду.

— Да, — сказала она наконец. — Разные.

И вышла.

Майя осталась одна в конференц-зале. На доске — три имени, три несчастных случая, три человека, которые были частью системы и которых система не защитила.

Она стояла перед ними достаточно долго — дольше, чем требовалось для профессиональной необходимости.

Потом погасила свет и закрыла дверь.

* * *

Продолжение следует. Глава 4 — «Квартира».

* * *

© Авторский текст. Закрытый рабочий файл.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИДЕАЛЬНЫЙ АНАЛИТИК

* * *

Глава 4

Квартира

Москва осенью пахнет по-особенному.

Не как летом — когда тротуары раскалены и воздух над ними дрожит. Не как зимой — когда холод обнуляет запахи, оставляет только выхлоп и что-то металлическое. Осенью, особенно в октябре, в воздухе стоит что-то сырое и немного горькое — листья, асфальт после дождя, дым из вентиляций домов. Запах вещей, которые заканчиваются.

Майя шла от метро пешком. Это был её маршрут: двадцать три минуты от «Новокузнецкой» до подъезда, по одному и тому же пути, мимо одних и тех же витрин — сапожная мастерская, аптека с зелёным крестом, кофейня, которая закрывалась в девять. Сейчас было почти одиннадцать. Кофейня была тёмной. Стулья стояли вверх ногами на столах, как всегда в это время.

Она привыкла к этому маршруту. Привыкла к тому, что он был неизменным — если что-то менялось, она замечала сразу. Однажды аптека переставила витрину. Несколько дней Майя возвращалась с работы с ощущением лёгкой тревоги, не понимая причины. Потом поняла и почувствовала себя глупо.

Она жила на четвёртом этаже. Лифт в её подъезде работал через раз — она давно перестала на него рассчитывать.

Поднялась по лестнице, нашла ключи ещё в кармане, открыла дверь.

В квартире было тихо.

Этот тип тишины она знала хорошо — не тишина пустоты, а тишина порядка. Всё стояло там, где она оставила. Обувь у порога. Куртка на вешалке. Несколько книг на кухонном столе, заложенных на нужных страницах. Она прошла на кухню, поставила чайник. Не потому что хотела чаю — просто был нужен звук. Чайник шумел ровно и привычно.

Квартира была небольшой. Однокомнатная, на четвёртом этаже дома, которому было лет семьдесят. Стены толстые — соседей почти не слышно. Майя оценила это в первую же неделю после переезда и ни разу не пожалела об аренде. Она переехала сюда три года назад — после того как продала квартиру, где они жили с Виктором. Не могла там оставаться. Сказала себе, что слишком далеко от работы. Это тоже было правдой.

Она прошла в спальню. Небольшая, почти аскетичная: кровать, шкаф, прикроватная тумбочка с лампой, рабочий стул у подоконника, где она иногда читала. На стене — одна фотография, пейзаж где-то в Норвегии, который она не снимала сама, а купила в рамке просто потому что там было много серого. Успокаивало.

На тумбочке лежала ещё одна фотография. Лицом вниз.

Майя прошла мимо неё. Взяла книгу с подоконника — что-то по биомеханике, которую читала ещё на прошлой

неделе, но никак не продвигалась дальше третьей главы. Легла поверх одеяла, не переодеваясь. Открыла на заложенной странице.

Прочитала один абзац.

Потом второй — и поняла, что уже не понимает, о чём читает. Слова были перед глазами, но в голове стояла другая картина: три имени на доске. Три несчастных случая, которые были не несчастными случаями. Три человека, которые думали, что система их защитила.

Человека, который не думал, что его найдут.

Она закрыла книгу. Погасила лампу.

За окном шёл дождь. Тихий, осенний — не ливень, а просто постоянный шорох по стеклу, будто кто-то проводит пальцем по поверхности снаружи. Майя лежала в темноте и слушала его. Это тоже был привычный звук — как чайник, как шаги на лестнице. Тишина, в которую можно было войти.

Она закрыла глаза.

* * *

Сон начался не сразу.

Сначала было просто темно — тот мягкий вариант темноты, который предшествует сну и который почти приятен. Потом появился холод — сначала слабый, потом отчётливый. Холодный металл под ладонями.

Перила.

Она стояла на балконе. Не на своём — этот балкон был

больше, и перила были другими: широкие, с горизонтальными прутьями, тёмного металла, который нагревался летом и становился ледяным в ноябре. Она знала этот металл. Знала его текстуру — чуть шершавую там, где краска облезла у основания.

За спиной был голос.

Она не могла расслышать слов. Голос был мужским, и в нём было что-то, что она не могла назвать. Не злость. Что-то другое, похожее на страх, но со знаком, который она не понимала.

Её руки сжимали перила.

Она смотрела вниз — на двор, на мокрый асфальт, на жёлтый кружок фонаря.

Голос произнёс её имя.

И она проснулась.

* * *

Было начало пятого. Дождь за окном стал тише — почти остановился. В спальне было холодно; она не закрыла форточку перед сном.

Майя встала. Прошла на кухню, налила воды из-под крана, выпила стоя у раковины. Потом поставила чайник снова — и пока он грелся, стояла у окна и смотрела на пустую улицу внизу.

Двор был тёмным. Только один фонарь — жёлтый кружок на мокром асфальте.

Она убрала взгляд. Сделала чай. Открыла ноутбук — не

потому что собиралась работать, а потому что свет экрана был нужен. Синий, холодный, привычный.

На рабочем столе лежали три папки с материалами дела.

Майя открыла папку Волошина. Снова. В третий, наверное, раз за неделю. Не потому что рассчитывала найти что-то новое. Просто привычка: когда не можешь уснуть — работать. Работа была вещью, в которой каждый элемент имел своё место. В отличие от снов.

Она читала до рассвета. Когда небо за окном начало светлеть из чёрного в серое, она закрыла ноутбук. Форточку закрыла тоже.

В спальне, проходя мимо тумбочки, она не посмотрела на фотографию.

Но остановилась на секунду.

Потом прошла дальше.

* * *

Глава 5

Место происшествия

Нижний Новгород встретил её хмурым небом и запахом Волги.

Майя вышла из поезда в семь утра. Перрон был пуст — несколько человек с чемоданами разошлись в разные стороны, и платформа быстро успокоилась. Она нашла такси у выхода из вокзала. Водитель — немолодой, с выключенным радио — посмотрел на неё в зеркало, назвала адрес, и он поехал без лишних слов. Это её устраивало.

За окном проплывал город. Не такой плотный, как Москва, — здесь между домами было больше воздуха. Старые улицы, деревянные дома рядом с советскими пятиэтажками, мокрые деревья. Логинов жил в частном секторе на окраине, там же и умер. Трасса, на которой произошла авария, шла за город — до дачи, которую он навещал по выходным.

Майя смотрела в окно и молчала.

Рощин ждал её на месте. Он уже провёл здесь два дня — разговаривал с местными следователями, изучал трассу, встречался со свидетелями. Когда такси остановилось у обочины, он стоял у своей машины с бумажным стаканом кофе и смотрел на дорогу. Увидел её — поднял руку.

— Доброе утро.

— Утро. — Майя вышла, огляделась. Трасса была прямой, узкой, с хвойным лесом по обеим сторонам. В такое время года здесь стояла тихая, почти звенящая пустота. Ни машин, ни людей. — Покажите.

Они прошли метров сто пятьдесят вдоль обочины. Рошин шёл рядом, объяснял негромко:

— Логинов выехал в воскресенье вечером. Примерно в половине восьмого. По его маршруту — это значит светло ещё было, но уже сумерки. Дорога прямая, покрытие нормальное. Он проехал эту прямую и потерял управление вот здесь. — Рошин остановился. — Ушёл правее, вылетел на обочину, ударил дерево.

Майя стояла на месте и смотрела вперёд — туда, откуда приехала бы машина. Потом посмотрела на дерево. Потом на дорогу.

— Он ехал один?

— Да.

— Навстречу кто-нибудь?

— Местный житель проехал примерно за четыре минуты до аварии. Говорит, машина Логинова шла нормально.

— За четыре минуты, — повторила Майя. — На этой прямой четыре минуты — это около трёх километров.

— Да.

Она присела на корточки у асфальта. Посмотрела на поверхность. Рошин молча ждал.

— Следы торможения были?

— Слабые. Будто он пробовал, но поздно.

— Поздно — это значит, что он не видел, что происходит, до последнего момента. — Она встала. — Или что он видел — и не среагировал. Что из двух — не могу сказать без медицинской документации. Было что-нибудь необычное в анализах?

— Алкоголь — ноль. Медикаменты — стандартные, от давления. — Роцин снова посмотрел на дорогу. — Баринов говорит: теоретически возможно внезапное нарушение ритма сердца. Кратковременная потеря сознания. Без следов.

— Волошин тоже умер от сердца, — сказала Майя.

— Я знаю.

— Два из трёх — сердечный фактор. Третья — вода. — Она обернулась к лесу. — Физические обстоятельства использованы против самих людей. Не создан новый риск — использован существующий. У Волошина было сердце. У Третьяковой — привычка пить у реки. У Логинова — этот маршрут каждые выходные.

— Это требует знания, — сказал Роцин.

— Подробного. — Она пошла обратно к машине, и он пошёл рядом. — Роцин, сколько времени от Москвы до этого места поездом?

— Четыре часа.

— До Казани?

— Десять-одиннадцать, если с пересадкой. Или летом час сорок.

— До Челябинска — чуть меньше суток поездом. Два часа самолётом.

— Да.

— Значит, чтобы наблюдать за всеми тремя, нужно было либо иметь кого-то на месте, либо несколько раз ездить в каждый город. — Майя открыла заднюю дверь машины, достала папку с материалами. — Командировки. Нужно проверить, есть ли кто-то, кто бывал во всех трёх городах в нужные периоды по официальным делам.

— Круг широкий.

— Сузим. Когда нужно было наблюдать — это последние две-три недели до каждой смерти. В Челябинске — март. В Казани — конец июня — начало июля. Здесь — конец сентября. — Она уложила папку обратно. — Ищем человека, который был в трёх городах в трёх разных временных окнах. По официальным документам.

Рощин записал. Посмотрел на неё. — Вы уже думаете, что это кто-то из системы.

— Я думаю, что это наиболее экономное объяснение доступа к информации и возможности присутствия без вопросов. — Пауза. — Я не думаю, что я права. Я думаю, что это надо проверить.

Он кивнул. Они сели в машину.

— Куда теперь? — спросил он. — Семья Логинова согласилась на разговор.

— Едем.

Рощин завёл двигатель. Несколько секунд молчал — она уже знала за эти дни, что его молчание бывает двух видов: когда он обдумывает и когда собирается сказать что-то, не уверен как.

— Можно вопрос? — сказал он.

— Да.

— Вы когда-то выезжали на места раньше? В своей практике?

— Редко. Почти нет.

— Почему?

Она смотрела в окно на уходящий лес.

— Потому что мне не нужно видеть место, чтобы понять, что на нём произошло. Мне нужны данные. Место — это источник эмоций. Эмоции создают помехи.

— А сейчас?

Небольшая пауза. — Сейчас мне кажется, что данных недостаточно.

Рощин помолчал ещё немного. Потом сказал — осторожно, как будто пробуя вес слов: — Это дело — оно другое, чем обычно?

— Все дела другие.

— Это не ответ на мой вопрос.

Она повернулась к нему. Он смотрел на дорогу. Профиль — спокойный, без нажима. Он не давил. Просто спрашивал.

— Да, — сказала она. — Другое.

— Почему?

Долгая пауза. За окном мелькнули первые дома городской окраины.

— Потому что я понимаю логику, — сказала она наконец. — В большинстве дел я реконструирую логику — как инженер реконструирует, как работала машина, которую никогда не видел. Здесь... — Она остановилась. — Здесь логика очень прозрачная. Это неудобно.

— Неудобно — значит близко?

Она не ответила.

Рощин не настаивал. Он вёл машину, а она смотрела на город — на старые дома, на Волгу, которая появилась справа, тёмная и широкая, с белыми пятнами гребешков на воде.

И почти сразу, почти машинально — как будто это не была новая мысль, а просто всплыло что-то уже известное — она сказала:

— Рощин. Он приближался с северо-востока.

— Что? — Рощин посмотрел на неё.

— Логинов. Когда ехал по трассе. С северо-востока. Значит, солнце было у него — — Она осеклась.

Солнце садилось на западе. Логинов ехал в сторону дачи, которая была на западе от города. Солнце было впереди и правее. В октябре, в половине восьмого вечера — почти у горизонта, режущее в глаза при уходе направо.

Рощин медленно сказал: — Это в отчёте?

Майя не сразу ответила.

— Нет. — Голос был ровным. — Это логический вывод

из положения трассы.

Рощин помолчал секунду. — Баринов этого не упомянул.

— Он занимался механикой. Я занимаюсь логикой. —

Она открыла блокнот. — Проверьте метеорологические данные на тот вечер. Если небо было чистым и угол падения солнца подтвердится — это может объяснить запоздалую реакцию без всякой кардиологии.

— Хорошо.

Она писала. Он вёл машину. Между ними висело что-то, что ни один из них не назвал.

Только когда они уже въезжали в город, Рощин негромко сказал — как будто продолжая разговор, который давно начался:

— Вы очень быстро это поняли. С углом солнца.

— Я хорошо знаю трассы этого типа, — сказала Майя, не отрываясь от блокнота.

Рощин кивнул. Ничего больше не сказал.

* * *

Семья Логинова жила в квартире на улице с громким советским названием. Открыла вдова — женщина лет пятидесяти, ещё не отошедшая от удара: всё в ней было немного сдвинутым, как бывает у людей в первые месяцы после. Она пригласила их на кухню, поставила чайник, не спросив, хотят ли они чаю.

— Вы уже третьи, кто приходит, — сказала она, садясь напротив. — Из Москвы.

— Понимаю, — сказал Рошин. — Простите. Это последний раз.

— Вы так говорите. — Она посмотрела на него без обиды — просто констатируя. Потом перевела взгляд на Майю. — Вы следователь?

— Аналитик.

— Это как?

— Я смотрю на данные. Нахожу связи между событиями. Женщина немного помолчала. За окном качалась голая ветка — дерево у дома, высокое, почти касающееся стекла.

— Артём был хорошим судьёй, — сказала она наконец, и в голосе была усталость человека, который повторяет это много раз. — Он не был коррумпированным. Он делал то, что закон ему говорил делать.

— Мы знаем, — сказал Рошин.

— Тогда зачем... — Она остановилась. Сжала ладони на столе. — Тогда зачем его убили?

Тихо. Только чайник начинал шуметь.

Рошин ответил осторожно: — Мы пока не знаем, было ли это убийством.

— Вы пришли третий раз. Из Москвы. — Она посмотрела на него прямо. — Вы бы не пришли, если бы не знали.

Рошин молчал. Майя смотрела на вдову — на руки на столе, на линию рта, на то, как она не плачет, потому что, видимо, уже отплакала.

— Была ли у вашего мужа угроза. Кто-то, кого он боялся,

— сказал Рошин.

— Он никому не говорил, что боится. — Женщина посмотрела в сторону. — Но в сентябре... он стал проверять дверь несколько раз, перед тем как лечь спать. Я спросила. Он сказал: привычка.

— Это было новой привычкой?

— Да.

Майя негромко сказала: — Он ничего не упоминал о незнакомцах? Кто-то задавал вопросы о нём, расспрашивал соседей?

Женщина посмотрела на неё. Что-то в её взгляде изменилось — не подозрение, а что-то ближе к узнаванию. Будто Майя спросила именно то, о чём она думала.

— Консьержка говорила. Приходил кто-то. Спрашивал про Артёма — как давно живёт, один ли ездит на дачу. — Пауза. — Я думала, это коллеги.

— Вы говорили об этом следователям?

— Нет. — Тихо. — Я не думала, что это важно.

Майя кивнула. Рошин записал.

Они ещё разговаривали минут двадцать — о маршруте Логинова, о его здоровье, о том, не называл ли он имён в последние недели. Женщина отвечала исчерпывающе, как человек, который решил, что будет отвечать на всё, раз уж решил открыть дверь.

Когда они уходили, в прихожей она остановила Майю — не рукой, просто голосом:

— Скажите мне одну вещь.

Майя повернулась.

— Тот человек, который его убил... — Вдова говорила медленно, тщательно. — Он понимал, что делает?

Долгая пауза.

— Да, — сказала Майя.

— Он думал, что это правильно?

Ещё пауза. Рошин стоял у двери и смотрел на обеих.

— Да, — сказала Майя. — Он думал именно так.

Женщина кивнула. Как будто это был ответ, который она ждала — не утешение, но правда. Этого было достаточно.

* * *

Глава 6

Профиль

Инна Полозова работала в кабинете, который мало кто в министерстве видел изнутри.

Не потому что это был секретный кабинет. Просто большинству людей он казался немного тревожным — так бывает, когда в помещении слишком много книг и слишком мало украшений. Книги стояли на двух стеллажах от пола до потолка: не декоративно, корешками вперёд, некоторые заложены несколькими закладками одновременно. На столе — несколько стопок папок и маленькая деревянная фигурка слона. На одной из стен — пробковая доска с распечатками и листами бумаги. Ничего личного: ни фотографий, ни открыток, ни сувениров.

Майя подумала, что Инна хранит личное где-то, где его никто не увидит.

— Чай? — спросила Инна, когда она вошла.

— Кофе, если есть.

— Есть. Садись.

Инна налила кофе из термоса на подоконнике — очень хорошего, это чувствовалось по запаху. Поставила перед Майей, прошла к своему креслу, открыла папку.

— Ты уже была в Нижнем?

— Вчера вернулась.

— И?

— Семья. Следы подготовки — консьержка, расспросы. Подтвердилось. — Майя взяла кофе. — Ты уже написала профиль?

— Предварительный. Хочу сначала пройти с тобой по некоторым вещам. — Инна закинула ногу на ногу, открыла ещё один листок. — Ты описала убийцу на совещании как человека, который испытывает «разрешение», а не раскаяние. Это точное слово.

— Это рабочее слово.

— Нет. — Инна смотрела на неё. — Это точное слово. Большинство людей, описывая преступника, используют нейтральные термины — «возможно, испытывает», «склонен к». Ты сказала «испытывает». Без оговорок. Это значит, что ты уверена.

— Я делаю вывод из паттерна.

— Из какого?

— Из механики преступлений. Нет эскалации насилия. Нет театральности. Нет элементов, которые обслуживают это. Это человек, который не нуждается в подтверждении извне. Он знает, что сделал правильно.

— И как ты это знаешь? — Инна спрашивала спокойно, без акцента — просто следующий вопрос в ряду.

— Потому что если бы ему было нужно подтверждение, — медленно сказала Майя, — он бы что-то оставил. Послание. Символ. Способ сказать: это я, это сделал я, это пра-

вильно. — Пауза. — Он ничего не оставляет. Ему не нужно, чтобы кто-то знал. Знание принадлежит только ему.

Инна записала что-то. Майя смотрела на кофейную чашку.

За окном шёл дождь. Не сильный — просто монотонный осенний дождь, который идёт весь день и не собирается заканчиваться.

— Расскажи мне, — сказала Инна, — как он выбирает жертв. Не факты — твою версию логики.

— Это не моя версия. Это...

— Майя.

Молчание. Снаружи — дождь.

— Хорошо. — Майя поставила чашку. — Он видит определённый тип людей. Людей, которые причинили конкретный, задокументированный вред — и которых система не наказала. Не потому что их нельзя было поймать. Потому что процедура не сработала. Потому что кто-то решил, что это достаточно хорошо. — Она говорила ровно, глядя в стену. — Он не ненавидит этих людей лично. Он видит их как узлы в системе. Если убрать узел — система немного исправится.

— Он верит, что это работает?

— Он верит, что другого способа нет.

— Это принципиально отличает его от мстителя, — сказала Инна задумчиво. — Мститель действует из боли. Он действует из убеждения.

— Да. — Майя помолчала. — Убеждение устойчивее бо-

ли.

Инна положила ручку на стол.

— Скажи мне одну вещь. — Тон не изменился — такой же спокойный, такой же профессиональный. — Когда ты его описываешь — ты описываешь его снаружи или изнутри?

Майя посмотрела на неё.

— Снаружи. Через данные.

— Ты уверена?

— Инна.

— Я не обвиняю. — Инна чуть наклонилась вперёд. — Я спрашиваю серьёзно, как психолог, а не как коллега. Потому что ты только что описала внутреннюю логику человека с такой точностью и уверенностью, какую я редко вижу у аналитиков. Ты описала не симптом — ты описала переживание.

Долгое молчание.

Дождь. Книжные полки. Маленький деревянный слон.

— Я умею думать как другой человек, — сказала Майя. — Это моя работа.

— Да. — Инна взяла ручку снова. — Но иногда это требует того, чтобы понимать что-то по-настоящему. Не моделировать — понимать. — Она записала что-то. — Я просто хочу, чтобы ты это знала. Чтобы ты следила за собой.

Майя не ответила сразу.

— Хорошо, — сказала она.

Они работали ещё два часа. Инна зачитывала разделы своего предварительного профиля, Майя дополняла или кор-

ректировала. Это был хороший процесс — не согласие, а уточнение: они думали по-разному, и когда сталкивались, результат был точнее, чем каждый по отдельности.

К половине шестого за окном стемнело. Дождь не остановился — только сильнее.

— Возраст, — напомнила Инна. — Ты говорила тридцать-пятьдесят. Сузишь?

— Не ниже тридцати пяти. Этот уровень терпения и самоконтроля — он требует времени. Нельзя научиться этому в двадцать.

— Согласна. И не старше сорока пяти — потому что профессиональный доступ к системе при такой степени мотивации обычно формируется в активной части карьеры.

— Тридцать пять — сорок пять. Да.

Инна закрыла папку. Посмотрела на Майю — немного дольше, чем нужно было для рабочего разговора.

— Как ты? — спросила она. Не как психолог. Как человек.

— Нормально.

— Ты хорошо спишь?

— Инна.

— Прости. — Она не выглядела извиняющейся. — Профессиональная деформация. Иногда я спрашиваю людей, которые мне небезразличны, то, что следовало бы спрашивать только на сессии.

Майя посмотрела на неё. Что-то в этом взгляде было редким — не тёплым в обычном смысле слова, но настоящим.

— Я сплю, — сказала она. — Просто иногда снится одно и то же.

— Что именно?

— Холодный металл под руками. — Пауза. — Перила.

Инна не записала это. Просто смотрела.

— Давно?

— Несколько лет. Это не важно.

— Хорошо, — сказала Инна. — Но если захочешь поговорить...

— Я знаю. — Майя встала, собрала папки. — Ты дашь мне окончательный профиль к пятнице?

— К четвергу.

— Хорошо.

У двери Майя обернулась. Инна всё ещё сидела за столом, и в её взгляде было что-то, что не рассеялось с концом рабочего разговора. Что-то внимательное — не подозрение, нет. Что-то ближе к тому, как смотрят люди, которые замечают нечто и пока не знают, как это называть.

— Инна.

— Да?

— Ты сказала — я описываю его изнутри. — Майя помолчала. — Я не знаю, правда ли это. Но если ты когда-нибудь подумаешь, что это мешает расследованию — скажи мне.

— Договорились.

Майя вышла. Дверь закрылась тихо — без щелчка замка, просто плотно и мягко. Инна смотрела на неё ещё секунду.

Потом взяла ручку и дописала в профиле ещё одну строчку — не про убийцу.

Про Майю.

* * *

Продолжение следует. Глава 7 — «Остроумов».

* * *

© Авторский текст. Закрывтый рабочий файл.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИДЕАЛЬНЫЙ АНАЛИТИК

* * *

Глава 7

Остроумов

Капитан Вадим Остроумов приехал в Москву на день позже, чем от него ждали.

Объяснение было простым — задержался по делам, поезд, опоздание, пробки. Всё это было правдой. Но Рошин, встречавший его в вестибюле министерства, отметил кое-что ещё: Остроумов приехал в пальто, хотя прогноз обещал дождь, и это пальто он так и не снял — ни в коридоре, ни в комнате для переговоров, куда его проводили. Человек, который не снимает верхней одежды, чувствует себя гостем, которого в любой момент могут попросить уйти. Или хочет чувствовать себя именно так.

Майя сидела в углу с блокнотом.

Формально на этом разговоре её не было — она не вела допрос, она не была следователем. Рошин объяснил это Остроумову коротко: «Майя Дмитриевна — аналитик по делу». Остроумов посмотрел на неё, кивнул и больше не обращал на неё внимания. Это тоже было интересно.

— Капитан, вы знали Волошина лично? — начал Рошин.

— По работе. — Голос у Остроумова был ровным — человек, привыкший к официальным разговорам. Только руки: он держал их на столе, и периодически большой палец правой руки постукивал по запястью левой. Ритмично. Как

метроном.

— Расскажите, как пересекались.

— Его предприятие — объект на нашей территории. Плановые проверки, пожарная безопасность, всё стандартное.

— Пауза. — Иногда он звонил по административным вопросам.

— Звонил вам напрямую?

Небольшая задержка. — Иногда.

— По каким вопросам?

— Разным. — Остроумов смотрел на Рощина. — Послушайте, я понимаю, к чему вы ведёте. Волошин — человек, который умел решать вопросы напрямую. Он так работал со всеми. Если вы проверите телефонные записи, там будет много людей из моего отдела.

— Мы уже проверили, — сказал Рощин спокойно. — Там в основном вы.

Тишина. Большой палец перестал постукивать. Потом начал снова — чаще.

— Я отвечал за контакт с ним.

— Понятно. — Рощин перелистнул страницу. — Скажите, вы знаете семью Громовых?

— Нет.

— Никогда не слышали эту фамилию?

— Нет. Кто это?

Майя записала: *нет — быстро, без паузы. Либо правда, либо ожидал вопрос.*

— Семья, подавшая иск против Волошина. Отец — Громов Михаил Петрович. — Роцин смотрел на него ровно. — Три года назад он покончил с собой.

Остроумов не изменился в лице. Но большой палец снова остановился.

— Нет, — повторил он. — Я этого не знал.

— Вы знали о гражданском иске?

Долгая пауза. Такая долгая, что стала ответом сама по себе.

— Краем уха, — сказал Остроумов наконец.

— Что это значит?

— Это значит, что Волошин упоминал — что-то там урегулировал. Я не спрашивал подробностей. — Он посмотрел прямо на Рощина. — Я хочу сказать вам прямо: у меня были с Волошиным отношения, которые выходили за рамки официального взаимодействия. Я понимаю, что это выглядит плохо. Но я не убивал его. И я не знаю, кто убил. Я даже не был уверен, что это убийство, пока вы сами не начали приезжать.

Роцин помолчал. Потом: — Где вы были в ночь с девятого на десятое апреля этого года?

— Дома. — Сразу, без раздумий. — Жена подтвердит.

— Ваша жена в тот период находилась у матери в Перми. Я проверил.

Пауза. Чуть длиннее, чем предыдущие.

— Я перепутал даты. — Остроумов провёл рукой по лицу.

— Тогда я был... — Он остановился.

— Где вы были?

— Это личное.

— Капитан.

— Я был с человеком, с которым не должен был быть. —

Он смотрел на стол. — Вы понимаете, что я имею в виду. Я могу дать вам контакт — она подтвердит. Но я прошу... —

Он поднял взгляд. — Жена не должна знать.

Рощин записал что-то.

Майя в углу не двигалась. Смотрела на Остроумова. Он был некрасиво устроен — слабый и запутавшийся, человек, который годами брал маленькие деньги от Волошина и теперь смотрел на следователя из Москвы и понимал, что маленькие деньги могут обернуться большими неприятностями. Но он не убийца. Это она поняла ещё до того, как он заговорил о жене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.